

Сереежка с Малой Бронной

Этот режиссер упал в театральный мир с одной краснодарской крыши

«Баловнем судьбы» назвал его журнальный аристократ — «Театр» — на своих холеных атласных страницах...

Деликатнейший Сергей Женовач сделал завидную карьеру стремительно и тихо, не приложив к тому, кажется, ни малейших усилий, не впускаясь в скандалы, интриги и прочие «шумы за сценой», ни перед кем не заискивая, всегда оставаясь собою — застенчивым интеллигентом в миру, бескомпромиссным подвижником на сцене.

Только что он выпустил свой четвертый в стенах Театра на Малой Бронной спектакль — «Леший». До этого были «Король Лир», «Пучина» Островского — Дюканжа и комическая опера XVIII века «Мельник-колдун». Театр, душа которого, казалось, все ушла вместе с Эфросом, начал оживать, задышал аплодисментами, аншлагами, возбужденным шепотом в кулуарах. Наконец — отчетливой надеждой, что олетевшая было душа возвращается в это театральное тело. Да, жил здесь когда-то «театр Анатолия Эфроса». Теперь воцарился «театр Сергея Женовача». На Малую Бронную снова стало интересно ходить.

...Если уж непременно искать в этой истории знаки судьбы, то она протрубила в свой рог четверть века назад, когда Театр на Малой Бронной приехал на гастроли в Краснодар, и очарованный мальчик с улицы Нежинской увидел эфросовских «Дон Жуана» и «Ромео и Джульетту». И если до этого исторического момента уже охватившая его театральная горячка была горячей вообще, ни на что конкретно не направленной, то с тех пор Сергей осознал: вот это — мое.

Школу закончил из рук вон — ибо ничем иным, кроме театра, не занимался. Ничем иным он не занимался и потом. Его недавно спросили, что он считает главным поступком в своей жизни:

— То, что я наивно, открыто, по-детски поверил, что театр — это самое главное, что есть в жизни. И решил играть всерьез, играть вчистую, всей судьбой своей играть...

А теперь открою мало кому, наверное, известную вещь. «Театр Сергея Женовача» родился далеко не сегодня и совсем не в Москве. Это случилось давным-давно, где-то на краснодарских задворках, в клубе строителей, а точнее — на крыше этого клуба.

Ту легендарную «крышу» Краснодар не забыл по сей день. Есть даже сугубо местное выражение — «прошел через крышу». Значит, был отмечен, избран, опил некта-

ру, дышал не только затхлыми испарениями, но также изысканной духовностью того времени...

Необычные вещи стали происходить в заурядном ДК с того дня, когда там появился однажды ни на кого и ни на что не похожий практикант из института культуры.

А он принялся лепить свой театр. Собрал команду в несколько человек — преданных, совершенно повернутых на театре. К великим праздникам готовили «Песню про Мастеров», будни посвящали Достоевскому и Булгакову. Роман о Понтии Пилате — «Сын красавицы Пилы» — придумали ставить на крыше. Крыша была замечательная: плоская, уютная, с высокими ограждениями, с какой-то ли доморощенной обсерваторией, то ли голубятней.

Спектакль вышел на Пасху. Было холодно и сыро. Накануне премьеры погода и вовсе испортилась. Однако пришли из драмтеатра, в полном составе явилась кафедра режиссуры института культуры. Тут как тут была романтизированной, театральная и околотеатральная молодежь... Едва начался спектакль — полил дождь. Дождь был настоящий. И небо было настоящее. И театр тоже был настоящий. Публика сидела загнипнотизированная.

А Татьяна (директор ДК) смотрела на Сергея. К тому времени сомнений у нее не осталось: «Серенький» — человек необыкновенный, может быть — гений, и это даже скорее всего. Только почему он так жутко бледен и так странно пьзлают его глаза?..

Тревожилась она не напрасно. Сергей оказался очень, почти смертельно бо-

лен. Следующие полтора года прошли на больничной койке. Когда его ненадолго отпускали — спешил в клуб. Чуть оправившись, заговорил о новых спектаклях. Татьяна тайком позвонила врачу. «Можно ему ставить?» — «Нельзя, — сказал врач. — Но пусть ставит. Лекарства все равно не помогают».

И Сергей поставил «Сон смешного человека». И — воскрес.

...А «крышу» прикрыли очень скоро. Забрел на один из спектаклей некий партчиновник районного масштаба — и все. Раздражение его было неопишимо.

Разбродились, кто куда. Сергей уехал в Москву. Собственно, у него тот период был исчерпан. Периферийный театр по сути своей — просветительский. А он, максималист, стремился к театру поисковому, ему нужна предельная высота. И к тому же, вбродаясь на больничной койке, он почувствовал еще одну важную вещь: талант — во всяком случае талант театальный, — если он не востребован, иссыкает, перестает существовать. Врачи гнали в санаторий. Он же подался в ГИТИС, на курсы к Петру Фоменко.

На четвертом курсе ГИТИСа он выпустил с однокурсниками спектакль «Дураки из Мэйо» по пьесе ирландского драматурга Джона Синга — после чего был зван в аспирантуру. Поставил в общезнаменитой «Панночку» Нины Садуру — пригласили в театростудию «Человек». В студии сделали «Иллюзию» Корнелия. Съездили в Италию... Потом его пригласили на Бронную. Он выставил условие: вместе с ним в театр придет его ко-

манда из 12 человек. Условие было принято. Выпустили «Лира». Его пригласили в Англию провести семинар по Шекспиру — заинтересовал русский подход к английской классике. Теперь Сергей едет в Норвегию — пригласили поставить «Три сестры».

...Мы встречались с ним дважды. Первый раз — сразу после Италии. Он легко и с удовольствием принял предложение поболтать за чашкой чая (результат — блестящий трехчасовой монолог о театре) — однако дать интервью отказался тогда наотрез. Что это, застенчивость провинциала — «простите, что я есть»?..

Только теперь он объяснил: студенческие и студийные работы не давали права выпячивать грудь. Иное дело — сегодня. Стал режиссером, овладел ремеслом, приобрел имя, театр, имеет целый список своих спектаклей. И этим спектаклям нужен свой, «женоваческий», зритель. Поэтому публика — не элитарная, любая — должна знать, что «театр Сергея Женовача» существует. Пошутит: помните, Бобчинский у Гоголя просит: «...скажите всем там... живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский».

Так и скажем. Живет. В Москве, в Театре на Малой Бронной, Сергей Васильевич Женовач — счастливец, каждый спектакль которого неизменно бывает замечен и дает новый толчок его карьеры. Карьеры, которую он никогда, собственно говоря, не делал, не собирается делать и впредь.

Ирина КИРЬЯНОВА.
Фото М. ДЖАПАРИДЗЕ.